

Марина Бобрик

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва)

Дмитрий Калугин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург)

«БОДРЫЙ НАШ НАРОД» СЕМАНТИКА БОДРОСТИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Речь в статье идет об известном пассаже из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», а именно о характеристике русского народа в монологе Чацкого из 3-го действия (явление 22). Словосочетание *бодрый народ* употреблено в данном контексте впервые. Семантика этого сочетания формировалась в контексте национального дискурса эпохи во взаимодействии древнерусских языковых традиций и западноевропейских образцов. В статье предлагается реконструкция источников этой инновации Грибоедова. В истории текста «Горя от ума» чтение *бодрый* конкурирует с *добрый*. В текстологическом экскурсе показано, что читатели XIX и начала XX века знали текст монолога с формулировкой *умный, добрый наш народ*, хотя авторским было несомненно чтение *умный, бодрый наш народ*. Слово *народ* выступает у Грибоедова в новом для эпохи значении 'низшие сословия, чернь', обособившемся в результате семантического калькирования многозначности фр. *peuple*. Значимыми для семантики бодрости у Грибоедова оказываются, с одной стороны, новозаветный тоpos «бодрость духа», а с другой стороны — французские и немецкие обозначения качеств персонифицированной нации (фр. *peuple vaillant* 'бравый, энергичный, живой народ'; нем. *klug und aufgeweckt* в отношении народа 'умный и живой'). В монологе Чацкого *бодрый* — это свойство народного духа, которое противостоит культурной анемичности элиты.

Ключевые слова: история слов и понятий, язык А.С. Грибоедова, «Горе от ума», национальная идея.

Понятийные структуры, наблюдаемые в этот период [со 2-й половины XIX в. до 1917 г. — М. Б., Д. К.], представляют собой сложный синтез церковносла-

вянского языкового наследия, модернизационных процессов XVIII — начала XIX вв., в ходе которых осваивались понятия новой «европейской» культуры, «простонародного» употребления, игравшего роль своего рода призмы, в которой преломлялись усваиваемые из западной культуры понятия. Эта сложная фактура, определяющая богатство образованного русского языка, остается в значительной степени не изученной.

(В. М. Живов. История понятий, история культуры, история общества¹)

Речь пойдет об известном пассаже из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», а именно о характеристике русского народа в монологе Чацкого из 3-го действия (явление 22):

Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев;
    Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб *умный, бодрый наш народ*
Хотя по языку нас не считал за немцев [ГоУ 1995: 96].

Прочитированный текст не содержит никаких указаний на синонимические или антонимические связи эпитета *бодрый*, так что нет уверенности, что этот хрестоматийный контекст мы понимаем адекватно. Если исходить из нынешней сочетаемости слова *бодрый*, непросто понять, что именно значит *бодрый народ*². Сейчас *бодрый* скажут прежде всего о человеке, имея в виду, что он жив и в силе (*бодрый вид, голос, взгляд, шаг, бодрая походка, бодрый старик, бодрое настроение*) [БАС: 534–535]³; в XIX в. возможны, кроме того, *бодрое терпенье, бодрое попечение* и даже *бодрая осторожность*. Во 2-й половине XIX в. можно встретить и *бодрый народ* (цитирование комедии Грибоедова не в счет). Однако в эпоху Грибоедова такое употребление в высшей степени необычно. Поиск этого сочетания

¹ Ср. [Живов 2009: 19].

² Не говоря уже о том, что, имея дело с текстами иной эпохи, мы рискуем приписать тогдашней бодрости привычное нам значение и проглядеть смысловые нюансы. Механизм такой подмены Анна А. Зализняк называет эффектом ближней семантической эволюции, определяя его как «неправильное понимание текста, возникающее из-за того, что читатель не распознает семантический сдвиг, произошедший в слове или конструкции родного языка и понимает их в современном ему значении» [Зализняк 2013: 300].

³ Ср., в частности, в МАС: «Полный сил, здоровья, энергии. [Фамусов:] *Не хвастаю сложеньем, Однако бодр и свеж, и дожил до седин*. Грибоедов, *Горе от ума. Время от времени Леонид уезжал в Землянский завод — и каждый раз возвращался оттуда таким бодрым, с новым запасом сил, точно молодец на несколько лет*. Мамин-Сибиряк, *Братья Гордеевы*. || *Выражающий бодрость, свидетельствующий о бодрости. Преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду*. Лермонтов, *Бэла*. || *Веселый, оживленный. Настроение польского общества было приподнятое и бодрое*. Короленко, *История моего современника. [Мастер] громко смеялся бодрым, молодцеватым смехом*. Горбатов, *Мое поколение*. || *Придающий силы, оживляющий. Яков встал рано утром, когда солнце еще не палило так жарко и с моря веяло бодрой свежестью*. М. Горький, *Мальва*» [МАС: 102].

в Национальном корпусе русского языка, в словарях и в Большой картотеке ИЛИ РАН для периода до 1830-х гг. дает отрицательный результат. В самом деле, впервые *бодрый народ* появляется именно в «Горе от ума». Семантика этого сочетания формируется в контексте национального дискурса эпохи во взаимодействии древнерусских языковых традиций и западноевропейских образцов⁴. Нам было любопытно реконструировать источники инновации Грибоедова. Здесь предлагаются результаты этой работы.

1. Начать с того, что в истории текста «Горя от ума» чтение *бодрый* конкурирует с *добрый*. Современниками вариант *добрый* (как бы он ни понимался — ‘славный’, ‘добросердечный’, etc.) воспринимался, очевидно, как более естественный и привычный. Об этом свидетельствует не только распространенность его в списках и изданиях «Горя от ума», но и фиксация этого варианта (очевидно, вслед за первыми русскими изданиями пьесы) в Академическом словаре церковнославянского и русского языка 1847 г. (цитата в статье «народ» [СЦСРЯ II: 399]). Напротив, сочетание *бодрый народ* было новшеством — в монологе Чацкого оно появляется впервые.

Соответственно, в изданиях комедии и ее переводах на иностранные языки сложились две традиции. Представленный в большинстве списков вариант *добрый* принят в изданиях, вышедших между 1833 г. (первое полное издание на русском языке так называемой театральной версии [ГоУ 1833: 130]) и 1913-м — годом выхода в свет Полного собрания сочинений Грибоедова в серии «Академическая библиотека русских писателей» (см. о нем ниже). *Добрый* читается также в заграничных неподцензурных изданиях XIX в. (начиная с первого [ГоУ 1858: 95]) и во многих эмигрантских изданиях после 1917 г. (в частности, выпущенных берлинскими издательствами «Нева» [ГоУ 1923: 90] и «Литература» [ГоУ б. г.: 86], в шанхайском [ГоУ 1921а: 67] и парижском изданиях [ГоУ 1921б: 348]). Напротив, ныне наиболее авторитетное чтение *бодрый* постепенно утверждается лишь начиная с упомянутого академического издания 1913 г. под редакцией Н. К. Пиксанова [ГоУ 1913: 78]⁵, где это чтение получило текстологическое обоснование с опорой на авторизованные списки (Жандровский и Булгаринский, а также на так называемый Музейный автограф) (подробно см. [Пиксанов 1971: 60; 1987: 430])⁶. До этого момента в некоторых изданиях (начиная с 1870-х гг.) чтение *бодрый* указывалось в аппарате вариантов (в частности, в издании под редакцией И. А. Шляпкина [ГоУ 1889: 311]). Отметим, что впервые «бодрый» входит в основной текст — пусть

⁴ Авторы признательны сотрудникам ИЛИ РАН (Санкт-Петербург) за возможность работать с материалами Большой словарной картотеки. Особая благодарность — заведующему Отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки Московского университета А. Л. Лифшицу за помощь в работе с редкими изданиями «Горя от ума».

⁵ Хотя Музейный автограф — один из важнейших источников чтения *бодрый* — был впервые опубликован уже в 1903 г.

⁶ Из эмигрантских изданий академическому изданию 1913 г. следует, в частности, парижское 1919 г. под редакцией В. Л. Бурцева.

косвенно — уже в самом первом издании «Горя от ума», вышедшем в немецком переводе Карла фон Кнорринга в Ревеле в 1831 г.: «Daß *unser tapfres kluges Volk* uns hier / Der Sprache wegen nicht für Deutsche hält» «...бодрый, умный наш народ...» [ГоУ 1831: 134]⁷. Таким образом, подавляющее большинство читателей XIX и начала XX в. знали текст монолога с формулировкой *умный, бодрый наш народ*.

В подтверждение тому, что именно вариант *бодрый* следует считать авторским, кроме текстологических, исследователи приводят также аргументы языкового характера. Вот комментарий А. Л. Гришунина [Гришунин 1995: 337–338] в последнем по времени полном собрании сочинений Грибоедова⁸:

В декабристском словоупотреблении применительно к русскому народу чаще встречаем определение: «добрый»; так, в дневнике Н. И. Тургенева от июня 1819 г.: «Неужели славный, умный, добрый народ никогда не возвысится до истинного своего достоинства?» (Архив бр. Тургеневых. Вып. 5. II. 1921. С. 197). П. Г. Каховский писал из Петропавловской крепости: «Сердце цело во мне, видя ум и простое, убедительное красноречие доброго народа русского» (Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М.; Л., 1951. С. 509). Н. М. Коншин в письме к Пушкину (август 1831): «Как свиреп в своем ожесточении добрый народ русский» (Пушкин. Т. XIV. С. 216). У Грибоедова, возможно, реминисценция из оды Державина «Вельможа» (1794):

О русский бодрственный народ.
Отечески хранящий нравы!

Для языка Грибоедова характерна ассоциация, закрепленная, например, в его примечаниях к «Необыкновенным похождениям и путешествиям Дементия Цикулина»: «Представляем ее (рукопись. — Ред.) нашим читателям как удивительный пример ума и решительности простого русского народа» (ср. толкование слова «бодрый» в словаре Даля: бойкий, живой, несонный, невялый; бдительный; смелый, мужественный; дюжий, здоровый; сильный; осанистый, видный, молодецватый). Таким образом, написание: «Чтоб умный, бодрый наш народ», которое мы находим во всех трех основных источниках текста «Горя от ума», вполне соответствует норме грибоедовского языка и не требует корректировки по неавторизованным спискам, как бы ни распространен был в них иной вариант».

⁷ За нем. *tapfer*, несомненно, стоит *бодрый* (а не *добрый*). Ср., в частности, о бодрости народа в «Рассуждении о национальном любочестии» Д. Фонвизина (1785) — переводе сочинения швейцарского врача и мыслителя И. Г. Циммермана (Johann Georg Zimmermann. Von dem Nationalstolze. 1758): *бодрость сего бранного народа* [спартацев. — М. Б., Д. К.] в соответствии с нем. *tapfere Nation*. Издание Кнорринга, прошедшее цензуру в Дерпте (ныне Тарту), вышло в серии «Русская библиотека для немцев» и предназначалось для немцев, живших в русском подданстве, чтобы они могли «познакомиться с духовными достижениями великой нации, к которой они принадлежат» («die geistigen Hervorbringungen einer großen Nation kennen zu lernen, der sie angehören») [ГоУ 1831: XI]; здесь и далее перевод цитат наш. — М. Б., Д. К.).

⁸ В более ранних комментариях, в частности С. А. Фомичева [Фомичев 1983: 154–161], вариация *бодрый/добрый* не получила интерпретации.

Принимая этот вывод, мы в дальнейшем исходим из того, что авторским было чтение *бодрый*.

2. Ближайшей параллелью к грибоедовской формуле считается сочетание *росский бодрственный народ* в оде Г.Р. Державина «Вельможа» («У Грибоедова, возможно, реминисценция из оды Державина “Вельможа” (1794)» [Гришунин 1995: 338]). К этой параллели стоит присмотреться.

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей;
В единокрушии — блаженство;
Во правосудии — равенство;
Свободу — во узде страстей!,

Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здоровы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает,
Повелевает же сама.

Сим твердым узлом естества
Коль царство лишь живет счастливым,
Вельможи! — славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться,
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О росский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? <...> [Державин 1957: 215–216]

Державин воспроизводит просветительскую модель национального тела, того *corps morale & collectif* (Руссо), гармоничное самочувствие которого обеспечивается главой — царем. Качественно бодрости в этой картине наделяется нация в целом

(*росский бодрственный народ*), которая среди всеобщей расслабленности (*Когда расслаб весь смертных род*) оказывается неусыпным стражем «отеческих нравов». Таким образом, *народ* в этой картине скрепленного «узлом естества» национального тела выступает в значении ‘нация, население страны’ (*народ1*) и соотнесен прежде всего с фигурой царя (*Блажен народ! — где царь главой*).

У Грибоедова слово *народ* выступает в другом, более новом значении ‘низшие сословия, чернь’ (*народ2*), обособившемся в результате семантического калькирования многозначности франц. *peuple* [Живов 2009: 17–19; Schierle 2005/2006: 77–79]. Простой народ противопоставляется здесь социальной элите — тому *мы*, к которому относит себя Чацкий. Речь идет о культурном барьере между социальной элитой и другими стратами — барьере, который в данном случае формулируется как языковой (*хотя по языку нас не считал за немцев*). Подобное смещение смыслового акцента сопряжено со сдвигом не только в семантике слова *народ*, но и в семантике его определения. Сходство между двумя формулами — державинской и грибоедовской — оказывается, таким образом, более сложным.

3. Атрибутивные сочетания со словом *народ* были в русском языке с самого начала письменности, однако до XVIII в. среди них не было сочетаний с качественными прилагательными. В языке Средневековья возможны сочетания с местоимениями, которые определяют группу с точки зрения объема и количества (*весь народъ, вси народи* ‘все’; *народъ много* ‘многочисленная толпа’) или с относительными прилагательными, которые характеризуют группу с точки зрения ее принадлежности городу, стране, этносу, вероисповеданию и т. п. (*народ градный; народ Римьский; народ жидовьскъ; народи язычести; кафоликыиский народ* ‘христиане’; здесь же: *народъ звѣрьскыи и птичь* ‘род животных и птиц’; *вся народъ плавающ* ‘и весь род водоплавающих’) [Срезневский II: 320–321; СРЯ XI–XVII, 10: 214–215; СДРЯ XI–XIV: 183–184].

В течение XVIII в. вместе с развитием значения ‘население страны, нация’ появляются такие сочетания, как *народ благоучрежденный, сильный, воинственный* и проч., в их числе и сочетания с эпитетом *добрый* [САР V: 43; СРЯ XVIII, 14: 17–18]. Вот несколько самых ранних примеров, которые удастся найти в НКРЯ⁹:

Они овинов не имеют, хлеб молотят сырой, а когда молоть, то сушат в печах. *Народ боязливый и добрый*; «Вотяков много малобородых. *Народ простой* (А. Н. Радищев. Записки путешествия в Сибирь. 1790);

Я был среди так называемых *просвещённых народов*, был среди *народов диких* и видел, что везде, во всех странах человек делает зло с пасмурным лицом, а добро — с приятною улыбкою! (Н. М. Карамзин. Филалет к Мелодору. 1795);

Она в Наказе своём освятила правила обществ непреложные, цель оных, и намерение обнаружила и хотела царствовать над обществом, управлять *народом*

⁹ Здесь и далее цитаты по НКРЯ приводятся без повторной ссылки.

блаженным, или лучше сказать дать ему управляться самому собою, оставляя себе одно верховное всего надзирание (А.Н. Радищев. О законоположении. 1801–1802).

В этом же ряду оказывается державинский контекст и сочетание *бодрственный народ*, о котором шла речь выше.

4. В свою очередь, эпитет *бодрый* накопил в догрибоедовскую эпоху определенный семантический потенциал, который необходимо учитывать, чтобы адекватно оценить тот новый поворот в истории понятия бодрости, который был осуществлен автором «Горя от ума». В основе различных употреблений многозначного эпитета *бодрый* (и *бодрственный* как его варианта в языке XVIII в.¹⁰) лежит в конечном счете их этимологическое значение ‘бодрствующий, не дремлющий, не спящий’¹¹. Развертывание и конкретизация этой семантики — ‘мужественный’, ‘решительный’, ‘деятельный’, ‘живой’, etc. — всякий раз связана с семантикой определяемого слова и другими факторами смысловой организации текста.

«Горе от ума» начинается с темы сна и бодрствования и ею же заканчивается, когда в прощальном монологе (действие 4, явление 15) Чацкий бросает оппонентам свое «Желаю вам дремать в неведеньи счастливом». В этом контексте оживает «внутренняя форма» слова *бодрый* и вместе с нею — ассоциация с новозаветной фразеологией бодрости. Грибоедовская формулировка, в которой ставятся рядом ум и бодрость, близка церковнославянской формуле *трезвости и бодрости*, восходящей к посланию апостола Петра (1 Пет 5: 8 *трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити*)¹². В свою очередь, слова апостола содержат реминисценцию из евангельского рассказа о событиях в Гефсимании (Мф 26: 41), в котором бодрость духа противопоставлена немощи спящей плоти (*дух убо бодр, плоть же немощна*). Оба клише хорошо известны в древнерусских текстах [СРЯ XI–XVII, 1: 270] и в русской литературе Нового времени¹³, сочета-

¹⁰ Кроме оды «Вельможа», эпитет *бодрственный* у Державина не встречается [УкСлД]. Значение этого слова толкуется в Академическом словаре 1789–1794 гг. с помощью синонимов *бодренный, бодрый, храбрый, мужественный, безбоязненный, неустрашимый. Бодренный*, согласно САР, значит ‘бодрый, бдительный, недремлющий, внимательный, прилежный, тщательный’, а в слове *бодрый* различаются четыре значения: (бодрая стража) ‘бдительный’; (бодрый воин) ‘храбрый, мужественный’; (бодрый конь) ‘имеющий горделивую поступь’; (он еще бодр) ‘(о старых людях) еще в силах’ [САР I: 262; 260–261], ср. [СРЯ XVIII, 2: 88].

¹¹ Прилагательное *бодрый* образовано от глагола *bъdĕti, этимологически тождественно лит. budrūs ‘бдительный’ и лат. *promptus* ‘бодрый’. Из славянских языков это слово сохранилось только в македонском и русском (в сербском — из русского) [ЭССЯ: 111–112], русский диалектный материал для *бодрый* очень богат [Даль: 106].

¹² Одна из многочисленных ее версий — пассаж из утренней молитвы Василия Великого в церковнославянском переводе — приводится в САР в качестве иллюстрации употребления слова *бодренный*: *И даруй нам бодренным сердцем и трезвеною мыслию всю настоящего жития ночь прейти* [САР I: 261].

¹³ Ср., в частности, *трезвый, бодрый* о русском народе в пушкинской речи В. О. Ключевского: «В одной пьесе Пушкин сам назвал свой поэтический голос эхом русского народа. Но он видел

ние *бодрый дух* (*бодрость духа*) живо и в нынешнем русском языке. Оба новозаветных контекста имеют характер проповеди, обращенной к коллективному адресату (в Евангелии это ученики, в Послании Петра христиане Малой Азии, оба текста обращены к христианскому миру в целом). В речи Чацкого, не лишенной черт проповеди, актуализация подобных клише для характеристики духа народа выглядит вполне естественной¹⁴.

В древнерусской письменности церковнославянский топоним *бодрый дух* находил реализацию в двух основных контекстах — воинском и монашеском. Бодрствование подразумевало активное, деятельное начало и понималось при этом как синоним мужества в борьбе с врагом, в христианском контексте — дьяволом и грехом (ср. метафору «воин Христов» в отношении монаха, мученика). В летописях эпитет *бодрый* может использоваться в качестве характеристики князя-воина, ср., в частности, о князе Владимире Глебовиче в Киевской летописи под 6695 г.: *занъ бѣ мужь бодръ и дерзокъ* [СРЯ XI–XVII, 1: 270].

В литературе XVIII — начала XIX в. очерченная традиция находит продолжение в разнообразных контекстах, объединенных отсылкой к новозаветному источнику. В моралистическом дискурсе — как у Н. А. Новикова:

Показывайте им [детям. — М. Б., Д. К.] ... какие неприятности и болезни, какие страшные зла влекут за собою... все грехи и пороки, как они мало-помалу ослабляют и унижают дух человеческий, низлагают *бодрость*, разрушают здоровье, сокращают жизнь, подрывают внешнее благосостояние, делают человека бесполезным, презренным, вредным членом человеческого общества (О воспитании и наставлении детей, 1783);

народность писателя не в особенностях языка, не в выборе предметов из отечественной истории, а в особом образе мыслей и чувствований, принадлежащем исключительно какому-либо народу, в его особенной физиономии, создавшейся физическими и нравственными условиями его жизни и отражающейся в его поэзии. Вот эта физиономия русского народа с его образом мыслей и чувствований и отразилась образно и внятно в поэзии Пушкина. Это, как и сама эта поэзия, народ восприимчивый и наблюдательный, с *трезвым и бодрым взглядом на жизнь*, терпеливый и исполненный терпимости, чуждый сомнений и непритязательный, благодарный судьбе за радость и за горе, умеющий ценить хорошее чужое и шутить над дурным своим, простодушно и задушевно отзывчивый на все человеческое, незлопамятный и осторожный, мирный и примирительный» (В. О. Ключевский. Памяти А. С. Пушкина. 1899; здесь и далее цитаты без ссылок на издания взяты из НКРЯ).

¹⁴ Ассоциация с «Гефсиманским» контекстом Мф 26: 41 во французском и немецком языках, в отличие от русского, ослаблена (или ее нет вовсе), так как лексика переводов не так непосредственно связана с темой сна и бодрствования, как в русском и церковнославянском *дух бодр*. Во французских переводах этого стиха используется глагол *veiller* 'бодрствовать', ср., в частности, в так называемой Иерусалимской Библии: «*Veillez et priez pour ne pas entrer en tentation: l'esprit est ardent, mais la chair est faible*» (La Bible de Jérusalem); или в переводе Давида Мартена (1744): «*Veillez, et priez que vous n'entriez point en tentation: car l'esprit est prompt, mais la chair est faible*». В немецких переводах начиная с Лютера соответствующий пассаж из Мф 26 переводился с помощью антитезы воли и немощи: «*Der Geist zwar ist willig, das Fleisch aber schwach*» 'дух силен (волей), но плоть слаба' (ср.: Дух бодр, плоть же немощна), ср. англ. *the spirit is willing*.

в дневниковой литературе — как у В. К. Кюхельбекера:

Много вкусил я горького в течение сих семи лет и девяти месяцев (и нынешний день не был для меня днем радости), но решаюсь безмолвно и безропотно переносить все, что бы мой великий и премудрый воспитатель ни налагал на меня; он воспитывает меня для вечности: ужели минутою страданья дорого купить то, что назначил он мне за рубежом земли? Шатки и слабы еще шаги мои по пути, которым он ведет меня; но он же сердцеведец, он видит, что я всею душою желал бы ему во всем последовать: *дух бодр*, плоть немощна! (Дневник, 12 октября 1833 [Кюхельбекер 1979: 278–279]);

в патриотической прозе — как у С. Н. Глинки:

Главное, отличительное качество людей русских, *дух бодрости* в опасностях явных, где они могут действовать в виду друг друга и соревнуя друг другу. «Не посраммим земли русской! Не выдадим себя!» Вот заветный отклик честолюбия русского народа (Из записок о 1812 годе [Глинка]).

Особое место в этом ряду занимает панегирическая и одическая традиция XVIII в., в которой бодрость характеризует государя — и в воинских делах (как прежде князя), и в созидательной деятельности. О *бодрости* как свойстве монарха — Петра Первого — говорит Феофан Прокопович в «Слове на похвалу блаженные и вечнодостойныя памяти Петра Великаго» (1725):

Петр наш! Петр — сила наша, которою и по смерти его мужествуем! Петр — слава наша, которою до скончания мира российский род хвалится не престанет! Не доставало ли ему *бодрости*, трудолюбия, терпения, который толь многия, далекия, безгодныя походы поднял?

Целый ряд контекстов такого рода можно найти у М. В. Ломоносова:

Надежды полный взгляд слова его скончал, / И *бодрый* дух к трудам на всем лице сиял (Петр Великий, 1760);

Сквозь дым, сквозь кровавых сверканье мечей, / Вперяет *бодрых* Петр внимание *очей* (Там же);

Сильнее тигров он и львов, / Геройска *бодрость* в нем избрана: / Иссохнет на земли поприще / Свирепость змиевых голов (Ода Петру Федоровичу, 1761);

Представив сего величество, красоту, могущество и славные действия и купно оного малость и худость, видим, что сего никому в свете произвести не было возможно, кроме исполинской смелости в предприятии и неутомимой в совершении *бодрости* Петровой (Слово похвальное Петру Великому, 1755)¹⁵.

---

¹⁵ Один из поздних примеров этой риторической традиции можно найти в манифесте о вступлении на престол Александра III: «Посреди великой нашей скорби глас Божий повелевает нам *стать бодро на дело правления*, в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину

Более того, бодрость — взаимное свойство нации (*народа1*) и государя, причем последний выступает источником активного, деятельного начала. Именно в контекстах такого рода и появляется слово *народ*. Так, Ломоносов во вступлении к «Древней российской истории» видит функцию государей в «ободрении» народа:

Каждому несчастью последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку вышшее восстановление, и к *ободрению утомленного народа* некоторым божественным промыслом воздвигнуты были *бодрые Государя* (Большая картотека ИЛИ РАН).

Ср.:

Екатерине скиптр вручен / Отчеством и домом править: / Народ наш тщился *ободрен* / Трудов Петровых не оставить (Ода Елисавете Петровне, 1761).

Героическая, воинская традиция в образе бодрого государя оказывается сопряжена с традицией сакрализации монарха, и царственная «бодрость» Петра отождествляется с деятельной «бодростью» божественного творца:

Какая похвала Российскому народу, / Судьбой дана — пройти покрыту льдами воду. / Хотя там кажется поставлен предел, / Но *бодрость* подают примеры славных дел (Петр Великий, 1760).

Примеры подобного рода можно было бы умножить.

Говоря об образе *бодрого государя*, нельзя не сказать о топосе *бодрого вождя*, хорошо известного в поэтическом языке эпохи — вплоть до «Пира во время чумы» (1830: «Когда могущая зима, / Как *бодрый вождь*, ведет сама / На нас косматые дружины»). В переводе «Одиссеи» В. А. Жуковский регулярно использует *бодрый* в качестве эпитета героя и царя (XI, 323: *бодрый Тесея*; XXIV, 17: *бодрый Аякс*), причем, как правило, эпитету *бодрый* нет соответствия в греческом оригинале. В «Истории» Н. М. Карамзина бросается в глаза едва ли не исключительная связь эпитета *бодрый* с фигурой князя, предводителя войска: *военачальник бодрый, бодрый воевода* (*воевода* используется как славянизированный вариант к *военачальник*). Вот иллюстрации:

[об Андрее Курбском. — М. Б., Д. К.] юный, *бодрый воевода* (т. VIII, гл. 1);

Многие люди воинские поверили самозванцу, не узнавая беглого диакона в союзнике короля Сигизмунда... в витязе ловком, искусном владеть мечом и коном; *военачальнике бодром* и бесстрашном: ибо Лжедмитрий был всегда впереди, презирая опасность (т. XI, гл. 1).

самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений» (О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России. 29 апреля 1881 г.).

В обоих случаях — и у Жуковского, и у Карамзина — есть элемент стилизации эпического языка. Карамзин мог знать древнерусское сочетание *мужь бѣдрь* (см. выше), примечательно, однако, что в карамзинских характеристиках вождей *бодрый* нередко притягивает к себе эпитет *умный* (*князь умный и бодрый, властитель умный и бодрый*):

Он [Мстислав. — М. Б., Д. К.] поручил сыновей брату Ярославу... и представился в Владимире с именем *властителя умного, бодрого* (т. II);

Георгий... начал собирать войско и с нетерпением ждал прибытия своих братьев, особенно *бодрого, умного Ярослава* (т. III);

Там был воеводою *князь Феодор Мезецкий, умный и бодрый* (т. VIII).

Возможно, как заметил Б. П. Маслов (устное сообщение), здесь находит отражение летописное сочетание *муж мудр и храбр* (см. о нем [Маслов 2012: 51–52]). Как бы то ни было, парный эпитет *умный и бодрый* — и здесь мы подходим совсем близко к словоупотреблению Грибоедова — в «Истории» не нов. Русский XVIII век предоставлял, насколько можно судить по Словарю русского языка XVIII в., две возможности. Одна — парный эпитет *умный и бодрый* — встречается у Ф. Прокоповича: «<Зависть> *умна и бодрá* вельми есть». Другая возможность состоит в обороте *бодрый умом*: «Стихотворцы от природы *силою ума бодры*, и аки бы нѣкоторым божественным духом вдохновенны бывают. Ломоносов СС II 72; Всѣм тѣлом дряхлая, но *бодрая умом*, И в логикѣ своей из первых мастерица: Лисица, Уединилася от свѣта и от зла, И проповѣдывать в пустыню перешла. Дмитриев. III 11» [СРЯ XVIII, 2: 88].

Однако для определения *умный (и) бодрый* в контекстах, подобных тем, что были процитированы из «Истории» Карамзина, существовал и готовый французский образец, а именно *sage et vaillant* ‘умный и бодрый’, именно как характеристика яркой личности — философа, государя, вождя¹⁶:

Socrate était aussi *sage que vaillant* (J. Laforgue, “Journal de langue et de littérature française”, 1830);

Pour louer la vie du *sage et vaillant* Macchabée (Marmontel, “Éléments de littérature”, изд. 1819);

Henri, Prince *sage et vaillant*, faisait prospérer le pays (L. Blondel, “Notice historique et topographique du Mont-Saint Michel en Normandie”, 1816);

Ce fut pourquoy ce *sage et vaillant* Prince... (J. Du Bellay, “Les regrets”, 1558).

Иллюстрации подобного рода легко умножить. Таким образом, стилизация Карамзина оказывается сплавом древнерусского узуса его источников и его собственных, ориентированных на французские модели речевых привычек.

¹⁶ *Chevalier vaillant* ‘chevalier vaillant, мужественный рыцарь’ известно уже в Песни о Роланде (XI в.) [TLFi: *vaillant*].

5. Сходную картину взаимодействия предшествующего русского узуса и западноевропейских моделей можно наблюдать и в интересующем нас контексте «Горя от ума». Грибоедов прибегает к уже знакомой нам комбинации эпитетов *умный* и *бодрый*, однако обозначает ею свойства не отдельного только человека (вождя, князя, государя), как в приводившихся выше цитатах из карамзинской «Истории», но свойства персонализированного народа. Похожим образом поступал Державин, говоря о персонализированной нации (*народе1*): *росский бодрственный народ*. Грибоедов делает следующий шаг: определение *умный, бодрый* он относит к «простому» народу (*народу2*). Иными словами, слову *народ* в значении ‘низшие сословия’ усваивается сочетаемость уже существовавшего ранее слова *народ* в значении ‘нация’.

Близкую аналогию формуле Чацкого можно видеть, по справедливому замечанию А. Л. Гришунина (см. цитату в начале этой работы), в той характеристике, которую Грибоедов дает опубликованным им запискам крестьянина Дементия Цикулина¹⁷: в этом сочинении Грибоедов видит «удивительный пример *ума и решительности простого русского народа*». Очевидно, что в сочетании со словом *народ* у Грибоедова *умный, бодрый* синонимично *умный*¹⁸, *решительный*¹⁹, хотя есть и обусловленные контекстом различия. (Семантическое различие состоит в том, что *решительность/решительный* — более специфичное качество по отношению к более общему *бодрость/бодрый*. В стилистическом отношении словоупотребление в монологе Чацкого относится к более высокому регистру, взаимодействуя с риторической и поэтической организацией текста.) Тем не менее в рамках этой синонимии *бодрость* подразумевает волю, энергию, сообразительность — словом, все те проявления деятельного, активного духа, которые произвели на Грибоедова такое сильное впечатление в судьбе автора записок. За формулой Чацкого стоит портрет крестьянина, подобного Дементию Цикулину.

Итак, в монологе Чацкого *бодрый* — это свойство народного духа, которое противопоставлено культурной анемичности элиты — вялой, бездеятельной, лишенной творческой

¹⁷ Грибоедов подготовил текст записок к публикации в «Северном архиве» (1825, ч. 14, № 8) и снабдил их примечаниями. Дементий Цикулин тринадцать лет провел в странствиях и мытарствах по разным странам Востока и, преодолевая лишения, в конце концов добился возвращения в Россию.

¹⁸ Эпитет *умный* в контексте пьесы имеет дополнительную смысловую нагрузку — это титульное слово, связывающее название комедии (в раннем варианте «Горе уму») с темой безумия Чацкого, с одной стороны, и с обсуждаемым определением народа — с другой (об эпитете *умный* в формуле *умный бодрый наш народ* см. [Фомичев 1983: 158–161]).

¹⁹ Такому употреблению слова *бодрый* ближе всего у Грибоедова, как кажется, контекст из драмы «Родамист и Зенобия», в котором *бодрость* противопоставлена лениности и, напротив, связана с трудами и подвигами («они поощряют меня на безленостную *бодрость*, неуспешные труды и на славные подвиги»). Другие употребления, отмеченные в словаре языка Грибоедова [Поляков 2008: 42], менее примечательны. В трех случаях *бодрый* отнесено к старику и имеет значение ‘крепкий (хотя и старый)’. В одном случае мы имеем дело со значением ‘бодрствующий, не дремлющий’: «Когда задремлет взор и слух, / Но *бодро* в нас воображенье» («Телешовой», 1824). Еще в одном (из письма) *бодрость* синонимично слову *смелость*: «смелых при счастье, но теряющих *бодрость*... при продолжительных неудачах».

воли, говорящей на заемном языке. Топос *бодрый дух* получает, таким образом, новый импульс в контексте национальной идеи романтического толка и связывается с представлением о народе как личности, о национальном характере и «природном» языке. Весь этот круг представлений у Грибоедова был общим с шишковским кругом, напитанным идеями Руссо и немецких романтиков (об «органицистическом национализме» Руссо см. [Живов 2008]; см. также [Зорин 2001: 167–170, 262, 352–363]).

6. Западноевропейские источники русского патриотизма предоставляли образцы таких построений. Французский и немецкий языки (которыми Грибоедов владел свободно) предлагали для формулы *умный бодрый наш народ* готовый материал: 1) франц. *homme sage et vaillant* в отношении человека (см. выше); 2) франц. *peuple vaillant* ‘бравый, энергичный, живой народ’ и, наконец, 3) нем. *klug und aufgeweckt* в отношении народа (*Volk* в обоих смыслах *народ1* и *народ2*, см. выше) ‘умный и живой’ (букв. ‘пробужденный, разбуженный’)²⁰.

Французское прилагательное *vaillant* (этимологически причастие настоящего времени от глагола *valoir* ‘стоять, цениться’) по своей семантике близко рус. *бодрый*²¹. В зависимости от контекста оно может выражать идею мужества (синонимы *brave, courageux, intrépide, valeureux*), идею борьбы с трудностями (*actif, diligent*) или идею крепкого здоровья (*robuste, vigoureux*) [TLFi: *vaillant*] и может служить определением как отдельного человека, так и народа, нации. Вот относящиеся к эпохе Грибоедова иллюстрации, приведенные в Словаре Французской академии:

Un vaillant Capitaine. C’est un peuple vaillant. C’est une nation fort vaillante [DAF: 720].

Выражение *peuple vaillant* ‘бодрый, храбрый народ’ находим в текстах патриотического дискурса эпохи Революции 1790-х гг. К нему прибегает, в частности, Мари-Жозеф Шенье — поэт и драматург, якобинец, автор патриотических песен — когда в «Dithyrambe pour la federation» (1792) воспевае героизм народа-победителя:

Habitans des Cités, habitans des Campagnes,
Peuple vaillant, Peuple vainqueur,
Accourez, amenez vos enfans vous compagnes [Victoires 1821: 53].
«Обитатели городов, обитатели весей,
Бодрый народ, народ-победитель,
Сюда! Приводите, товарищи, ваших ребят».

²⁰ Неясно, могло ли французское выражение *sage et vaillant* быть прямым источником немецкого, этимологически они расходятся: *vaillant* ‘доблестный, храбрый; крепкий, бодрый’ — это причастие настоящего времени от глагола *valoir* ‘стоять, цениться’, в то время как нем. *aufgeweckt* — это причастие от глагола (*auf*)*wecken* ‘будить, пробуждать’.

²¹ Этимологически они, однако, не связаны. Семантика бодрствования во французском передается прежде всего глаголом *veiller* ‘бодрствовать, бдить, сторожить, хранить’; его причастие *veillant*, созвучное с *vaillant*, не развило адъективного значения.

Ср. у Руссо в рассуждении об отваге:

Pardonnez-le moi, *Peuple vaillant* et infortuné qui avez si long-temps rempli l'Europe du bruit de vos exploits et de vos malheurs. Non, ce n'est point à la bravoure de ceux de vos Concitoyens qui ont versé leur sang pour leur pays que j'accorderai la Couronne Héroïque, mais à leur ardent amour pour la Patrie et à leur constance invincible dans l'adversité. Pour être des Héros avec de tels sentimens, ils auroient même pu se passer d'être braves [Rousseau 1796: 21–22].

«Прости мне, о бодрый несчастный народ, который столь долгое время наполнял Европу слухом о своих подвигах и своих неудачах. Нет, вовсе не за отвагу даровал бы я венец героя тем из ваших сограждан, что пролили кровь за свою страну, но за их любовь к отчизне и за их непобедимую верность в беде. Обладая такими чувствами, они могли бы даже без отваги стать героями».

В то же время в одной из речей эпохи говорилось о «народе свободном, великодушном и крепком»:

Et toi, auguste Assemblée des représentans d'un grand peuple, d'un *peuple libre, généreux et vaillant*, toi, le seul espoir de ce peuple, et peut-être de tous les peuples du globe, montre-toi dans toute ta puissance [Annales patriotiques 1792: 135–136].

«А ты, высокое собрание представителей великого народа, народа свободного, великодушного и крепкого, ты, единая надежда этого народа и, возможно, всех народов мира, яви себя во всей твоей силе».

Об узусе французского *sage et vaillant* как характеристики (выдающейся) личности мы уже говорили. Очевидно, что пересечение сферы употребления двух выражений — *sage et vaillant* и *un peuple vaillant* — благоприятствовало усвоению французской сочетаемости *vaillant* в русском.

Близкой аналогией к *умный, бодрый народ* видится нам и немецкое сочетание *klug und aufgeweckt*: по данным гриммовского «Немецкого словаря» [DW: 657], оно может относиться и к отдельному человеку (в предикативном употреблении '(человек) живого ума', *aufgeweckter Geist* 'ясный ум, человек живого ума')²², и к нации, народу (*Volk*)²³. Похоже, вполне устойчивый характер имеет сочетание *klug und aufgeweckt*, в частности, у И. К. Готшеда (1730) в его переводе «Истории языческих оракулов» Фонтенеля (1687):

Zwar ist der Pöbel oder das Volk niemals sonderlich *klug und aufgeweckt* (il est vrai que ce qu'on appelle le peuple n'est jamais fort *éclairé*): indessen leidet doch seine

²² „Aufgeweckt, alacer, citus, munter, lebhaft: ein aufgewecktes mädchen; er wollte immer von aufgeweckten geistern umgeben sein. Wieland 6, 17; der ehrliche Pedrillo, aufgeweckt, sinnreich und spaszhaft. 12, 365; von lustigem aufgewecktem humor. Fr. Müller 3, 61“ [DW: 657].

²³ В качестве эпитета народа *aufgeweckt* может комбинироваться и с другими определениями: ein *munteres, aufgewecktes Volk* 'бодрый, живой народ' [Schmid 1788: 18]; ein *arbeitsames aufgewecktes Volk* 'работающий живой народ' [Hassel 1820: 618] и т. п. Употреблялось оно, возможно, не без влияния французского *sage et vaillant*, однако нам, к сожалению, не известно специальных работ на эту тему.

gewöhnliche Dummheit von Zeit zu Zeit einige Veränderung. Zum wenigsten giebt es Jahrhunderte, wo die ganze Welt Pöbel ist, und in solchen Zeiten ist es sehr bequem Irrthümer einzuführen [Fontenelle/Gottsched 1771: 455].

«Чернь, или народ никогда не отличается *живым умом* (у Фонтенеля букв. “просвещенностью”): и все же время от времени обыкновенная его глупость бывает подвержена изменениям. По меньшей мере, бывают столетия, когда весь свет — чернь, и в такие времена очень удобно вводить заблуждения».

В немецком патриотическом дискурсе эпохи наполеоновских войн, идеи которого питали русский национализм, такая фразеология обнаруживает очевидные параллели. Близкие формулировки можно видеть в обоих ключевых сочинениях этого направления, которые были хорошо известны в кругу А. С. Шишкова, — «Дух времени» Э. М. Арндта и «Речи к немецкой нации» И. Г. Фихте (см. [Земскова 2004]; о понятиях живого народа (*lebendiges Volk*) и живого языка (*lebendige Sprache*) в «Речах» Фихте см. [Тесля 2014]). Приведем лишь одну из ярких параллелей такого рода:

Die teutsche Nation hat vor Jahrhunderten den Ruhm gehabt, sie sey ein *stilles, fleißiges und tapferes Volk, sinnig und erfinderisch* und durch Natur und Gemüth zum Forschen und Nachdenken über die himmlischen Dinge gezogen [Arndt 1807: 44].

«Много веков назад немецкая нация имела славу спокойного, трудолюбивого и *бодрого народа, умного и изобретательного*, по природе и духу своему расположенного к исследованию и размышлению».

Не случайно в последующей истории понятия «бодрость» (говорить о ней не позволяют рамки этой работы) ближайшее продолжение словоупотребление Грибоедова находит в узусе русских славянофилов. Как будто продолжая прерванную фразу «Горя от ума», И. С. Аксаков напишет в 1863 г.:

Да и в отношении к одному ли уму представляется такая противоположность между русским народом и русским обществом? Умный народ — малоумное общество, *бодрый, трудолюбивый народ* — ленивое, вялое общество (Отчего безлюдье в России, 1863).

Воплощением этого народа — как прежде Грибоедову Дементий Цикулин — видится Аксакову царственная фигура мужика:

Все один и тот же зимний ландшафт, все попадались лошаденки маленькие, избенки бедные, занесенные снегом, ель да ель, и только раз среди дороги явился мне царем зимы *бодрый, высокий русский мужик*» (Письмо к матери и сестрам, 1860 [Аксаков 1892: 349]).

Литература

Аксаков 1892 — [И. С. Аксаков.] И. С. Аксаков в его письмах. Ч. 1. Т. 3: Письма 1851–1860 годов. Поездка в Малороссию. Ополчение. Путешествия за границу. М., 1892.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М.; Л., 1948.
Глинка — *С. Н. Глинка*. Из записок о 1812 годе. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/glinka1/glinka.html#p1>.

ГоУ б. г. — *А. С. Грибоедов*. Горе от ума. Берлин: Литература.

ГоУ 1831 — [*A. S. Gribojedow*.] Gоре от ума oder Leiden durch Bildung. Lustspiel in vier Aufzügen, aus dem Russischen des Gribojedow (=Russische Bibliothek für Deutsche. 3. Heft). Reval, 1831.

ГоУ 1833 — [*А. С. Грибоедов*.] Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Грибоедова. М., 1833. Факсимильное издание: М., [1988].

ГоУ 1858 — *А. С. Грибоедов*. Горе от ума. Полное издание Юрия Приваловского. Лейпциг, 1858.

ГоУ 1889 — *А. С. Грибоедов*. Горе от ума // *А. С. Грибоедов*. Полное собрание сочинений. Т. II (Поэзия). СПб., 1889.

ГоУ 1913 — *А. С. Грибоедов*. Горе от ума // *А. С. Грибоедов*. Полное собрание сочинений. Т. 2 / Под ред. и с примечаниями Н. К. Пиксанова. СПб., 1913.

ГоУ 1921а — *А. С. Грибоедов*. Горе от ума (=Библиотека русских классиков). Шанхай: Т-во печатного и издательского дела А. П. Крюков, В. К. Мартенсен и Ко., 1921.

ГоУ 1921б — *А. С. Грибоедов*. Горе от ума // Русские писатели / Под ред. академика И. А. Бунина. Издание объединения земских и городских деятелей заграницей. Париж, 1921. С. 257–374.

ГоУ 1923 — *А. С. Грибоедов*. Горе от ума. Книжные украшения В. Масютин. Берлин: Нева, 1923.

ГоУ 1995 — *А. С. Грибоедов*. Полное собрание сочинений в 3-х тт. Т. 1: Горе от ума / Подготовка текста и комментарии А. Л. Гришунина. СПб., 1995.

Гришунин 1995 — *А. Л. Гришунин*. Комментарии // *А. С. Грибоедов*. Полное собрание сочинений в 3-х тт. Т. 1. СПб., 1995. С. 257–348.

Даль — *В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989.

Державин 1957 — *Г. Р. Державин*. Стихотворения. 2-е изд. / Вступительная статья, подготовка текста и общая редакция Д. Д. Благого. Примечания В. А. Западова. Л., 1957. (Библиотека поэта. Большая серия).

Живов 2008 — *В. Живов*. Чувствительный национализм // НЛО. 2008. №91. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/zh7.html>.

Живов 2009 — *В. Живов*. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. М., 2009. С. 5–26.

Зализняк 2013 — *Анна А. Зализняк*. Русская семантика в типологической перспективе. М., 2013.

Земскова 2004 — *Е. Е. Земскова*. Русский патриотизм в немецком переводе: А. С. Шишков в воспоминаниях Э. М. Арндта // Труды Русской антропологической школы. Т. 2. 2004. С. 89–98. URL: <http://kogni.ru/text/zemskova.htm>.

Зорин 2001 — *А. Зорин*. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

Кюхельбекер 1979 — *В. К. Кюхельбекер*. Дневник (1831–1845) // В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 64–433.

МАС — Словарь русского языка в четырех томах. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1. М., 1981.

Маслов 2012 — *Б. П. Маслов*. «По закону языка нашего»: Семантические заимствования как предмет истории понятий // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М., 2012. С. 39–57.

Пиксанов 1971 — *Н. К. Пиксанов*. Творческая история «Горя от ума». М., 1971.

Пиксанов 1987 — [*Н. К. Пиксанов*.] История текста «Горя от ума» и принципы настоящего издания // А. С. Грибоедов. Горе от ума. Изд. 2-е, доп. М., 1987. С. 388–443.

Поляков 2008 — *А. Е. Поляков*. Словарь языка Грибоедова. Т. 1. А–З. М., 2008.

САР I–VI — Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.

СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. V. М., 2002.

СРЯ XI–XVII 1–30 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2016.

СРЯ XVIII 1–21 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. Л.; СПб., 1984–2016.

Срезневский I–III — *И. И. Срезневский*. Словарь древнерусского языка. Т. I–III. М., 1989.

СЦСРЯ I–IV — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. I–IV. СПб., 1847.

Тесля 2014 — *А. Тесля*. «Речи к немецкой нации» Фихте: нация, народ и язык // Полития. № 1. 2014. Интернет-версия в: Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Rechi-k-nemeckoj-nacii-Fihte-naciyu-narod-i-yazyk>.

УкСлД — Указатель словоформ к СС Г. П. Державина. URL: http://www.rvb.ru/18vek/derzhavin/wt_index/toc_index.htm.

Фомичев 1983 — *С. А. Фомичев*. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». Комментарий: Книга для учителя. М., 1983.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 3. М., 1976.

Annales patriotiques 1792 — Annales patriotiques et littéraires de la France. 1792. № 31.

Arndt 1807 — *E. M. Arndt*. Geist der Zeit. 2. Auflage 1807.

DAF — Dictionnaire de l'académie française. 5ème éd. Paris, 1814. Т. 2.

DW — Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. 1. Bd. Leipzig, 1854.

Fontenelle / Gottsched 1771 — *B. von Fontenelle*. Historie der Heidnischen Orakel... aus dem Französischen übersetzt // Herrn Bernhards von Fontenelle Auserlesene Schriften. Leipzig, 1771. S. 441ff.

Hassel 1820 — *J. G. H. Hassel*. Vollständige und neueste Erdbeschreibung des Britischen Reichs und der Ionischen Inseln. Weimar, 1820.

Rousseau 1796 — *J.-J. Rousseau*. Discours sur cette question: Quelle est la Vertu la plus nécessaire aux Héros; et quels sont les Héros, à qui cette Vertu a manqué? // *J.-J. Rousseau. Œuvres complètes*. T. 13ème. Lyon, 1796. P. 5–31.

Schierle 2005/2006 — *I. Schierle*. „Vom Nationalstolze“: Zur russischen Rezeption und Übersetzung der Nationalgeistdebatte im 18. Jahrhundert // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 64. 2005/2006. S. 63–85.

Schmid 1788 — *F. V. Schmid*. Allgemeine Geschichte des Freystaats Ury. Zug, 1788.

TLFi — Le Trésor de la Langue Française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr/>.

Victoires 1821 — *Victoires, conquêtes des Français de 1792 à 1815*. Couronne poétique. Fac simile. Paris, 1821.

При ссылках на электронную версию дата просмотра: 25.09.15.

Marina Bobrik

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва)*

Dmitry Kalugin

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург)*

“BODRYI NASH NAROD”: SEMANTICS OF BODROST’ IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN NATIONAL IDEA

The paper investigates the well-known passage of Alexander S. Griboyedov’s comedy *The Woes of Wit* (“Gore ot uma”), where the protagonist Chatsky characterizes the Russian people as *bodryi nash narod* (Act 3, Scene 22). It is the earliest known context for this word combination. Its semantics, seen in the broader context of the Russian national discourse of the epoch, demonstrates interaction of Old Russian and Western European language patterns. We propose a reconstruction of the sources of Griboyedov’s innovation. Our text-critical investigation revealed that different editions and MSS of Griboyedov’s comedy present two variant readings in this phrase — *bodryi / dobryi*, and that the latter was dominant throughout the 19th and in the beginning of the 20th century, although there can be no doubt about the authenticity of the former. Griboyedov uses the word *narod* in the meaning (new for his time) ‘lower social strata’, influenced by the corresponding meaning of the French *peuple*. Of importance for the semantics of the epithet *bodryi* is the New Testament cliché *bodrost’ duxa*, on the one hand, and the French and German expressions *peuple vaillant*, *klug und aufgeweckt* (*-es Volk*), on the other. In Griboyedov’s comedy *bodryi* denotes a special feature of the national spirit (“awakedness”) as opposed to the moral anemia of the cultural elite.

Keywords: historical semantics, A. Griboedov’s language, national discourse.